

The background of the cover is a scenic landscape. In the foreground, there is a bright green, grassy field. A blue river flows through the middle ground, curving to the right. The far bank of the river is covered with lush green trees and bushes. In the background, a dense forest of green trees covers a hillside under a clear sky.

Н.Я. Семенец

**ЖИЗНЕННЫЕ
ВЕХИ**

От автора
с благодарностью
15.09.2016г.

Ваш

ОБ 16+

84(2Рос-Рус)6
с 30

Н. Я. Семенец

ЖИЗНЕННЫЕ ВЕХИ

128600 - 1

МАУК «Межпоселенческая
центральный библиотека
Балаковского муниципального района»

Издательство
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»

Саратов
2016

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

УДК 821(470)
ББК 84(2Рос)
С30

Семенец, Н. Я.

С30 **Жизненные вехи / Н.Я. Семенец ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. – 344 с., 21 отд. л. ил.**

ISBN 978-5-7924-1212-5

**УДК 821(470)
ББК 84(2Рос)**

**ISBN 978-5-7924-1212-5 © ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» , 2016
© Семенец Н. Я. , 2016**

Пролог

Желание написать эту книгу возникло давно – лет пять назад, когда мне подарили свои издания Саурин Алексей Иванович и Гришин Николай Павлович. «Буду писать», – решил я, но когда – вопрос остался открытым.

Не скрою, к этой мысли я возвращался не раз, но постоянно одергивал себя, чувствуя, что еще не готов... Дело в том, что по своему характеру я не похож на спичку, которая легко и быстро воспламеняется и так же мгновенно гаснет. Все эти годы во мне тлела искра – до определенного момента.

А разжег искру известный в нашей области журналист-политолог Дмитрий Чернышевский. Он предложил мне дать интервью как старожилу Саратовской областной Думы и человеку, принимавшему активное участие в политической жизни региона в постсоветский период. Было несколько интервью, которые длились не один час. После этого я принял окончательное решение: буду вспоминать, буду писать и – по возможности – публиковать.

Я посчитал неуместным замалчивать исторические события, свидетелем и участником которых являлся. Полагаю, все, что расскажу, представляет определенный интерес для многих.

Вторая мотивация – основная. Как-то с горечью осознал, что в нашей семье мы почти не знаем свою родословную, и чем занимались наши далёкие предки – так и не узнали. Поэтому эту книгу в первую очередь посвящаю своим родным и близким, друзьям, которых приобрел в течение всей жизни.

Начало начал

Из сохранившихся скудных сведений известно, что наш род принадлежал к казацкому сословию, но во времена Запорожской Сечи наши предки ушли в непроходимые Брянские леса. Семейная легенда гласит, что мой прадед по материнской линии – бунтарь, обладал неестественной силой, громил помещиков, но был пойман и приговорен к повешению. В самый последний момент ему удалось бежать, но позже его застрелили.

Мои предки поселились в селе Кашовка Суражского уезда. Затем крестьян начали расселять по поселкам и выделять им наделы. Вначале мой дед Евсей обосновался в поселке Ректа, недалеко от Кашовки. После смерти жены остался с пятью детьми, сошелся с овдовевшей Овсеевой (так её все называли) из села Пески, у которой тоже было пятеро детей, и еще троих они нажили вместе. Начали подрастать и взрослеть дети, жили очень бедно, едва концы с концами сводили. Батрачили на хозяев.

Дед Евсей выдал замуж дочерей Машу и Проню. Первая вышла за Романа Язвенко из села Беловодка, вторая – за Карпа Глушенка в поселке Ректа. Сыновей Якова (моего отца) и Михаила (все его называли Мира) женил в молодом возрасте. Сообща построили дома (их называли хатами), при них имелось 20 соток огорода, за счет чего и жили. Третий брат Павел, младший, еще в молодые годы в поисках работы завербовался и уехал сначала на Север, а потом – на Камчатку. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

Мать, Ксения Лаврентьевна, тоже родом из Кашовки, из многодетной семьи. В школе не училась, с шести лет ее отдали в прислугу. К моему появлению на свет никого из ее родителей в живых не осталось, братья погибли на вой-

не (1941–1945 годы), сестра по вербовке уехала и проживала в Приморском крае (о ней – чуть позже).

У отца с матерью родилось семеро детей, но выжили не все. Старшая сестра Лида погибла в возрасте 11 лет от аппендицита (отец всегда сетовал на «дело врачей»), еще три сестры умерли, не дожив и до года. В семье осталось три брата: Петр, Иван и Николай. Я был самым младшим, по словам родителей, «нежданным»: мать родила меня в 41 год, что по тем временам считалось очень поздно.

В семье я воспитывался один, так как брат Петр – он был старше меня на 20 лет – занял свою семью и обустроился в Сураже. Помню, как провожали в армию среднего брата: играли на гармошках, рассаживали в вагон подвыпивших призывников. После службы он остался работать шахтером в Донбассе.

Прямо скажу, несладкое детство выдалось у меня. Наша Брянская область наряду с Белоруссией нещадно пострадала в годы немецкой оккупации, голод, разруха сопровождали нас в послевоенную пору. В поисках заработка отец уехал на лесозаготовки в Карелию, мать трудилась в колхозе, чтобы сохранить за семьей 20 соток огорода.

1948-й и 1949-й – годы, самые голодные в истории Брянщины. По рассказам старожилов, за несколько сорванных колосков на колхозном поле на много лет отправляли в тюрьму. В памяти весна 1949-го, когда мы, малолетки босоногие, бродили по полям и собирали оставшийся от уборки прошлого года и сгнивший за зиму картофель. У нас он назывался «лындиком», из него пекли оладьи. Другой распространенной пищей по весне была лебеда и крапива, этим и выживали. От недоедания у меня развился рахит, а от травы живот опустился до колен. Я, конечно, об этом не знал... Когда много лет спустя я приезжал из военного училища на каникулы, односель-

чане, любуясь мною в военной форме, признавались: мало кто верил, что я выживу.

Но я выжил, и на меня свалился груз сельской жизни. Мне так хотелось вместе с пацанами погонять мяч, сыграть в городки, лапту. Но не тут-то было.

Отец к этому времени вернулся из Карелии, работал на предприятиях Суража, мать продолжала работать в колхозе, не получая ни копейки за свой труд.

В семье держали свое хозяйство: корова, свинья, куры. Надо было заниматься огородом: вспахивать, сажать, бороновать, полоть, поливать, собирать урожай. Кроме того, требовалось заготовить не менее трех тонн сена. Это целый процесс. Отец косил ручной косой на выделенных делянках. Когда я подрос, стал ему помогать. Первая попытка – и сразу неудача: при заточке косы чуть не отрезал большой палец. Затем сено надо было перевернуть для просушки, потом собрать в копны, привезти домой и уложить в сарай... Где уж там время для ребяческих игр!

На зиму надо было запастись топливом. Наш сельский домик отапливался печками, готовили еду тоже на них, еще была баня. Топили дровами. Но древесина – это дорого, поэтому заготавливали много торфа. Благо его имелось в избытке в нашем краю лесов и болот.

Начинали с ранней весны: облюбовывали болото, занимали делянку, приступали к работе. Нужно было снять дерн, затем на сухое место из карьера набросать торф, пока тебя не затопит водой. Потом делали замесы – ногами топтали выброшенную массу до получения густого теста. Далее накладывали доверху в ведра и несли на площадку, где выкладывали их для просушки. После чего эти блины надо было поднять, поставить друг к другу на ребра, а затем собрать в кучу, где они продолжали обсыхать и становились пригодными для топки.

Осваивать это производство я начал, как только научился ходить. Мне вручили небольшую кастрюлю и отправили делать «оладыи». Нагрузка постоянно росла, с кастрюли я перешел на ведра. Часто для этих целей использовали ведра, давно отслужившие свой срок, порой сильно покореженные. Помню, что ведра были настолько большими, а обода – с изъянами, что я до крови натирал ноги возле колен. Мои хныканья никого не трогали. Я очень завидовал семьям, где было много детей и нагрузки на каждого приходилось поменьше.

Самым нелюбимым моим занятием было пасти скот. Сельчане занимались этим по очереди. Для меня она подлетала с быстротой стрижа. Этому дню я не видел конца, время останавливалось, а солнце, по которому мы ориентировались, наперекор всем законам, казалось, замирало на месте. Приходилось идти на жертвы вопреки своей воле. Нас, пацанов, иногда нанимали пасти скот за деньги. Желание получить рубль и сходить в кино, съесть мороженное или купить стакан семечек было пуще неволи.

Зато я с большим удовольствием работал с моими друзьями на колхозных полях. В летние каникулы мы принимали участие в бороновании картофельных полей, затем их распахивали. Участвовали в сенокосе, на лошадях перетаскивали копны сена к стогам. Вообще, я любил все, что связано с лошадьми. Иногда я целыми днями был предоставлен сам себе. Однажды, проголодавшись, полез в печь, чтобы достать чугунок с супом. Печь еще не остыла, суп кипел, а я его уже доставал ухватом. В итоге не справился с чугуном, и половина его содержимого выплеснулась на мой голый живот. Моментально образовались пузыри, но я боялся расстроить мать и до вечера не показывался дома, но боль пересилила. Мне пришлось повиниться. Мама у меня была замечательная, очень доб-

рая. Отца я уважал. Работяга, во всем старался для семьи, в хлопотах и заботах прожил всю свою жизнь, но временами бывал чрезмерно строг к моим провинностям. Часто его наставления заканчивались поркой, тогда вмешивалась мать, защищая меня.

Пришла пора пойти в школу. Начальная школа находилась в селе Кашовка, где обучались дети еще из четырех поселков: Пески, Ректа, Симонтовка (поселения не осталось) и Новая Кашовка. Школа небольшая – два класса и дощатая учительская – отапливалась печками, все удобства на улице.

Вместе со мной из нашего поселка в школе учились в первом классе Вася Глот и Коля Чепля. Последний был сыном завуча, в поселке их дразнили «шкрабами». Это потом я выяснил, что «шкраб» значит школьный работник. Кстати, у всех в поселке были прозвища, к друг другу обращались только по ним. Так, наша семья именовалась «Крячи», а я, соответственно, Крячик. Откуда появилась кличка – так и не узнал, полагаю, она связана с семейными корнями.

В семье деда Евсея сыновья были низкорослыми, но кряжистыми, обладающими недюжинной силой. О моем дяде Мире ходили легенды. Однажды в погреб провалилась корова, четверо мужчин пытались выволить её оттуда, но ничего не получалось. Мимо проходил Мира, обратились за помощью к нему. Он спустился в погреб, поднял корову, а остальные уже веревками вытащили ее. Другой случай. Подвыпившие односельчане решили испытать силу Мира, предложив ему поднять дубовую колоду (ставень), которую не могли приподнять трое здоровенных мужиков. Мира согласился, поднял эту колоду и отнес за 200 метров к своему дому. Желающих возвратить ее на место не нашлось.

Нашей классной руководительницей стала Елизавета Николаевна, нам с ней очень повезло. По сельскому обычаю ее звали «Лизкой». Но это имя мы произносили с любовью, и в наших детских сердцах она осталась той самой первой учительницей. Лично в ней я увидел вторую материнскую заботу и участие в моей жизни. Она делала все, чтобы привить любовь к учебе, к познанию жизни. До конца своих дней интересовалась моей судьбой. Жила она в Сураже, и в каждый свой приезд, будучи курсантом военного училища, а затем – офицером, я навещал Елизавету Николаевну. Она радовалась, гордилась своими учениками.

С пятого по седьмой класс я учился в Краснослободской семилетней школе. Мне до сих пор непонятно, почему мы должны были ходить, минуя город Сураж, за семь километров, а из поселков Ректа и Симонтовка – почти за десять. При этом ни о каких школьных подвозах (на подводах), а тем более школьных автобусах и речи не было.

Когда стал школьником, у меня появились дополнительные обязанности. Меня отправляли в город – это примерно 2 км от нашего поселка – за хлебом. С ним были перебои, его быстро раскупали, приходилось долгонько стоять в больших очередях. Поэтому занимал место за несколько часов до привоза хлеба, это гарантировало его покупку.

Но жизнь постепенно налаживалась, несмотря на полупустые полки в продовольственных магазинах, пришло время, когда и хлеб стало возможно свободно купить. К этому времени отец приобрел мне подержанный велосипед, я целыми днями крутил педали.

Стали наведываться родственники. С Дальнего Востока в гости с мужем приехала старшая сестра матери – тетя Авдотья. Затем они стали бывать чаще, примерно один раз в три года. Интересно было слушать их рассказы о поез-

дках. Дорога ведь неблизкая – одиннадцать суток в один конец. С нетерпением ждал их приезда, в первую очередь гостинцев, которыми они одаривали меня. Конечно, накрывали стол, приходили родственники, одним словом, начиналось веселье. Муж тети Дуси, Григорий, работал шахтером, получал неплохие деньги, мог себе позволить и выпить и закусить. Запасы спиртного у него не иссякали. Из города он всегда возвращался с огромными сумками. Зимой тару с водкой прятал в сугробах во дворе дома. Заходя в дом с очередной чекушкой, говорил, что ходил в туалет, споткнулся, обнаружил бутылку – не выбрасывать же ее. Сестры для виду поругаются, а между собой шепчутся: мол, пусть уж в отпуске расслабится, пойдет в шахту – там не до выпивки. Отпуска были большими, гостили они, как правило, не меньше месяца.

Начала приезжать из Ртищевского района Саратовской области младшая сестра – тетя Лида со старшим сыном Виктором. Когда в 1988 году я перебрался в Саратов, первое, что сделал – разыскал тетку. Она тут же приехала к нам. Потом наша семья часто навещала тетю Лиду в поселке Таптулино, до самой ее кончины. Похоронили ее там же.

В деревне Беловодка, что в десяти километрах от Суража, проживала родная сестра отца – тетя Маша. Муж ее погиб на войне, большая семья осталась без отца. Со временем старшие дети разъехались по всему Советскому Союзу, а младший сын Григорий оставался с матерью. Гриша был чуть постарше меня, хотя мы жили в разных селах, это не мешало нам дружить и часто встречаться. Наши родственные отношения продолжаются до сих пор, ездим друг другу в гости. Григорий окончил техникум, отслужил в армии, работал на закрытом объекте в поселке Лесное, где и живет сегодня. Пользуется высоким автори-

тетом, избирался в районный совет народных депутатов. Жена Тамара работала завучем в средней школе, вырастили сыновей Андрея и Алексея.

В поселке Ректа проживала другая сестра отца – тетя Проня. На ее попечении было пять детей, муж не вернулся с войны. Жили они тоже бедно, да и кто в то время жил хорошо? Дети были значительно старше меня, но это не мешало мне часто бывать у них, пока они не разлетелись кто куда в поисках хорошей жизни.

Самая младшая дочь деда Евсея от второго брака – тетя Соня проживала в поселке Пески. Вышла замуж за поселкового парня Ивана Егоровича Исаченко, успевшего повоювать на фронте. В семье родились два сына – Иван и Володя да две дочери – Валя и Лида. С Иваном Егоровичем мы всегда встречаемся во время моих приездов в Сураж, он для меня близкий человек. На могиле тети Сони с моей помощью установлена надгробная плита.

Такие же плиты я установил на могилах матери, отца и брата Ивана. Стараюсь периодически навещать их, так как следить за их состоянием некому. Пять лет назад на этом кладбище мы схоронили моего старшего брата – фронтовика Петра.

Поселок наш небольшой, но в отличие от многих населенных пунктов, сметенных с лица земли (такая участь постигла упомянутые выше Ректу и Симонтовку), он сохранился и в настоящее время. Сыграла роль его близость к городу. Все мужчины, как правило, находили работу в Сураже, а женщины трудились в колхозе, сохранив за собой огороды – весомая поддержка в семейном бюджете и возможность содержать подсобное хозяйство.

Откуда появилось название Пески, никто не знает. Песка, действительно, было много и повсюду. Через поселок протекала речка, разделяя его пополам. Речка –

так себе, ручеек, но весной он превращался в бурный поток. Некоторые мальчишки, включая меня, взбирались на льдины и плавали на них, за что получали нагоняи от родителей. Летом речка местами пересыхала. Мы жили на левом, крутом берегу, правый был пологим. С левого берега всегда брали песок для своих нужд. Было много глины. Поселковые умельцы делали из нее свой кирпич. О качестве судить не берусь, но за отсутствием настоящего кирпича это было уже кое-что. Помню, когда наша лежанка разваливалась, отец заказывал у дяди Михея Глот именно этот кирпич. Я очень любил спать на этой лежанке, особенно в зимнюю пору.

Радио в поселок провели только в конце пятидесятых годов. У многих в комнатах были повешены так называемые тарелки, которые порой дребезжали, слышимость не всегда была хорошей. Отец же раскошелился на настоящий динамик, мы с удовольствием слушали радио, особенно трансляции концертов. Жизнь потихоньку налаживалась.

Недалеко от поселка был перелесок, еще дальше — большой лес. Он нас тоже и кормил и поил. Мы собирали ягоды, грибы, щавель и березовый сок, из которого делали отменный квас. Во дворе у нас был вырыт погреб. Там стояли заготовки на зиму: бочонки с огурцами, квашеной капустой, мочеными яблоками, квасом. Картошку (основную еду) мы хранили в доме, в подполе. Заготавливали ее много, часто покупали у тех, кто не держал скот. У нас-то животины всегда водилась. В подполье хранили также свеклу, турнепс, редьку, брюкву, морковь. Иногда отец на огороде делал небольшие бурты, где все это сберегалось до весны. Таким образом, зиму мы встречали основательно подготовленными. Вдобавок осенью отец резал свинью, запасаясь впрок салом. Нам оставалось покупать

только хлеб, сахар, соль. С весны переходили на подножный корм – зелень с огорода, ягоды и грибы с леса, так мы и жили. Отец увлекся садом, научился прививать деревья. Посадили их довольно много. Ранее не только у нас, но и у соседей не было ни одного деревца на огороде. Лишь немногие держали сады. Все объяснялось очень просто: в свое время Сталин ввел налог на каждое фруктовое дерево, так садов и не осталось.

Небольшая речка Красный ручеек давала нам рыбу. Мы, детвора, ловили ее корзинами, взрослые – бреднем, крагами. В окрестных болотах, когда они пересыхали, в грязи руками вылавливали вьюнов, в болотах поглубже – карасей. Тактика лова была проста: мутим воду, караси всплывают – и они наши! Икринки рыбы в эти болота заносили дикие утки. Повзрослев, я стал ездить на рыбалку на велосипеде на реку Ипуть.

Наше послевоенное детство, конечно, было трудное, на хрупкие детские плечики взваливались семейные заботы и работы по дому и в колхозе. Но находилось время и для детских забав. Зимой с крутых горок скатывались на самодельных лыжах. Первоначально лыжами служили дощечки из старых бочек, делались они просто: топором заостряли нос, ближе к концу дощечки, из ремня делали крепление, привязывали веревочки – и лыжина готова. Хороша она была тем, что гнуть ее не приходилось, дощечки из бочки уже были полусогнутыми. Но кататься на них можно было, только спускаясь с горки по накатанному следу. Отец стал мне делать лыжи из березы, распаривал кончик лыжины в кипятке, а затем на несколько суток привязывал, чтобы получить необходимый изгиб. Лыжи получались громоздкие и тяжелые. Простые, но настоящие, из магазина, я получил значительно позже, а лыжи с ботинками одел только в восьмом классе.

Любовь к этому виду спорта я сохранил на всю жизнь. Участвовал в районных соревнованиях, учась в Краснослободской семилетней школе, затем в средней. Продолжал выступать, будучи курсантом военного училища.

Зимой не меньшей популярностью у нас пользовались коньки. Коньки с ботинками я тоже надел значительно позже. До этого мы довольствовались простыми коньками, крепление делали сами. Беда самодельных коньков заключалась в том, что веревочное крепление через некоторое время перерезало валенки, что, естественно, вызывало гнев у родителей. Тем не менее мы с большим удовольствием скользили по первому льду на речке. Не обходилось и без курьезов. Зачастую первый лед не выдерживал нас, и мы проваливались в воду, тонуть – не тонули, так как было неглубоко, но неприятности были. Мы искали место, где можно было обсохнуть, иначе родители ни за что больше не отпустят гулять. Вторую опасность представлял взрослый парень по кличке Кирик. Во льду он делал прорубь, маскировал ее, садился вблизи и ждал жертв, то есть нас. Эти проделки долго сходили Кирику с рук, но всему есть предел.

Про него рассказывали очень много забавных историй. С наступлением весны Кирику было поручено пасти колхозных быков. Быки в то время являлись основной тягловой силой. Лошадей во время войны направили на нужды армии, поэтому их было очень мало, только начали постепенно разводить. А пока вся работа – на волах. Нагулявшегося до поздней ночи, пригретого солнышком, к обеду Кирика нещадно клонило в сон. В это время быков, оставшихся без присмотра, тянуло на посевы ржи, клевера, на посадки капусты, огурцов. Как-то Кирик решил навести порядок в стаде, привязав животных хвостами друг к другу. Затем со спокойной совестью улегся спать. Понятно,

что это нововведение пришлось быкам не по душе. А здесь еще подлетели оводы – бич для коровьего стада. Естественно, бедная скотина рванула в разные стороны, поотрывав себе хвосты. Очевидцы затем рассказывали, что видели убегающего горе-пастуха, а за ним с кнутом гнался бригадир. Понятно, что после этого случая Кирику общение с животными было заказано. А в поселке самым обидным стало выражение «тебе даже быков пасти нельзя поручить».

В широких местах речки мы устраивали игру в хоккей. Клюшек у нас, естественно, не было, мастерили сами из деревьев. Однажды во время игры мой друг Васька Глот поскользнулся и, падая, точно в переносицу заехал мне тяжелой клюшкой. В глазах потемнело, в мгновение я оказался лежащим на льду. Сколько вышло крови – не помню, но с раздутым, синим носом ходил я долго.

С помощью взрослых на прудах мы сооружали подобие катков. Делалось это так. В середине пруда пробивали лунку, туда вставляли толстый кол, замораживали, на кол надевали колесо от телеги, к нему привязывали длинную жердь, на конце которой крепили санки на коньках. В колесо вставляли несколько кольев и с их помощью раскручивали колесо. Надо сказать, скорость была небывалой, редко кто удерживался на санках. Как правило, после трех-четырех оборотов сносило всех.

Зимы на Брянщине снежные, сугробы стояли огромные, в них мы строили домики и играли там. Согласитесь, что может быть лучше для здоровья ребятни!

Летом самой популярной игрой был футбол. Одно поле с воротами мы оборудовали на ровной площадке за поселком, другое – примитивное, без ворот – в центре поселка. В наших играх принимали участие и взрослые. Наибольший интерес представляли матчи с участием ко-

манд из деревни Кашовка, из поселка Низовой, Ленинки (Сураж). Особенно любили погонять мяч после грозы – по лужам и потокам воды. Играли в лапту, городки, классики. В общем, развивались как могли. Ну и хулиганили тоже. Лазали по садам, из ниточных катушек сооружали погремушки и подвешивали на окна тем, кто несправедливо, по нашему мнению, к нам относился.

Конечно, играли в войну. Территория возле нашей усадьбы идеально подходила для этого. Спуск к речке по обе стороны был усеян зарослями клена. Здесь же сохранились с времен войны окопы и блиндажи немцев – они охраняли железнодорожный мост, находившийся рядом с нашим домом. Трудно было определить, кто будет немцами, а кто русскими. Вопрос обычно решался через жребий или по принципу: кто победил – тот и русский.

Вечерами мы подглядывали за взрослыми на танцах, с любопытством наблюдали, кто с кем танцует, кто с кем уходит гулять. Бегали, дурачились. Позднее и сами стали организовывать танцы, ездили на гуляния в соседние села.

Летом, во время каникул, я стал подрабатывать на овощной базе, где отец в то время работал сторожем. Мы сколачивали ящики под яблоки, которые потом отправляли на Кубу (так нам говорили). Первый опыт был неудачным: я поразбивал пальцы на руках, но со временем наловчился и сколачивал до тридцати ящиков в день. Платили нам по 50 копеек за ящик. Так что у меня появился свой источник дохода. Позднее, уже в средней школе, мы с друзьями частенько подрабатывали на железнодорожной станции – разгружали вагоны с лесом, досками, цементом. Здесь уже заработки были посOLIDнее, но и физических сил требовалось больше. Уж и не знаю, откуда они брались...

Годы военные

Нельзя обойти стороной эту тему, для Брянщины она особая. В нашем поселке после войны мужчин практически не осталось. У отца погиб брат Мира. Когда-то на лесозаготовках ему перебило ноги. Но в 1941-м он пришел в военкомат и потребовал направить его добровольцем на фронт. Таков был патриотизм простых русских людей.

До войны отец работал на железной дороге. Вместе с другими работниками они должны были уехать последним составом, но не успели: немцы наступали, да и мост через реку Ипуть уже был взорван. Пришлось поезд утопить в реке, а самим возвращаться по домам. Добирался он окольными путями, попал под налет немецкой авиации, бомбежку пересидел в воронке от авиабомбы. Подойдя к дому, с ужасом увидел, что во дворе хозяйничают немцы, застрелили поросенка, гоняются за курами. Отец по характеру был горяч, бросился на немцев. Те быстро его «остепенили»: поставили рядом с мертвым поросенком и направили в грудь отца автоматы. И расстреляли бы, если б мать не бросилась в ноги и не стала умолять не убивать кормильца. Спасло и то, что немцам нужны были работники на железной дороге, Гитлер приказал их не трогать. Враги обосновались рядом с домом, соорудили доты и траншеи для охраны железнодорожного моста, часто наведывались в дом, где проживала наша семья, включая двух моих братьев Петра и Ивана, но из дома их не выселили: приказ есть приказ. Тем временем отец через связанных передавал информацию партизанам о передвижениях воинских эшелонов и охране мостов.

Мост у дома партизаны так и не взорвали – настолько он усиленно охранялся, но зато был взорван железнодорожный мост у Кашовского кладбища, на подъезде к же-

лезнодорожной станции Сураж. По словам матери, немцы очень бесновались, усилили охрану, заявили: если мост будет взорван – расстреляют жителей поселка и нашу семью в первую очередь. Много за это время пережила мать, но пронесло. Позже фашисты во время своего поспешного отступления переправу все же взорвали. Отец потом из обломков бетонного основания построил фундамент деревенской бани. Переплавлял глыбы бетона на плоту по речке. Даже здесь нашел им применение.

Волновало семью и другое. Подростал брат Петя. В 1942 году ему было уже 16 лет. Пацанов в этом возрасте немцы пытались привлекать в полицейские. Однажды собрали парней (среди них был и Петя), посадили в вагон и направили в Германию. Но ему вместе с другом удалось сбежать: они вскрыли доски пола в теплушке и на полном ходу выскочили – как только не убились?! В лесу вышли на партизан. Петр стал вестовым у командира. Во время одного из боев того тяжело ранило, брат начал вытаскивать его с поля боя, но очередная пуля раздробила голову командира, а Петр, весь в крови, еле выбрался из крошечного ада. Партизанский отряд продолжал действовать, брата направляли на боевые задания. Одним словом, шла война.

В 1943 году была освобождена Брянщина, часть Белоруссии. Их отряд расформировали, а бойцов призвали в действующую армию. Там же оказался и Петр. Потом он рассказывал: брали польский хутор, шли в наступление – и тут их накрыло минометным огнем. Рядом с братом разорвалась мина, ногу расколошматило. Немцы хутор отбивают, а Петр истекает кровью. Куда деваться с раненой ногой? Увидел деревянный нужник, плащ-палатку в дырку кинул и сам свалился вовнутрь – жизнь дороже. Немцы его не увидели, он даже умудрился, почти

теряя сознание, кое-как рану перетянуть. Снова услышал выстрелы, крики «Ура!». Смог закричать, выстрелить из своей винтовки – и наши его вытащили.

Долго лежал в госпитале. Нога на три сантиметра стала короче, но врачи спасли ее. Никогда не ездившая в поездах мать отважилась на дальнюю дорогу в Западную Белоруссию, где на лечении находился старший сын. Материнское сердце позвало в дорогу. Может, и приезд матери сказался на здоровье юного фронтовика, но дела пошли на поправку. Медицинская комиссия признала его негодным к прохождению дальнейшей службы, солдата отправили домой. Потом, через тридцать лет, я своими глазами видел, как у брата осколки из ноги выходили, как боль еще раз вернулась к нему.

Нерадостная картина встретила дома Петра. Вокруг нищета. Быть обузой для родителей брат не мог. Начал работать в восстанавливающемся колхозе. Устраивался на сезонные работы. Подошло время выбирать невесту. Глаз положил на красавицу Зину Пастушенко, родственницу Николая Пастушенко – народного артиста, который всю жизнь посвятил Театру Советской Армии.

Зинаида вместе с матерью (отец погиб), с братом Петром и двумя сестрами – Пашей и Наташей – жили в нашем поселке Пески, едва сводили концы с концами. Свадьбы как таковой не было – не то было время для гуляний. Молодые поселились в нашем небольшом домике. Вскоре у них появился первенец – сын Анатолий. Разница у меня с ним была два года. Время было очень тяжелое, голодное. Зина подкармливала меня своим грудным молоком, благо Толя ел его очень мало.

На семейном совете было принято решение: отделить семью брата. На скудные сбережения на окраине города Суража приобрели старую избу, получили место под за-

стройку, начали строить небольшой домик для семьи брата. Это давалось с трудом, требовалось много затрат. Толю отдали на воспитание бабушке – моей матери. Для меня он был как младший брат, мы стали неразлучными. Помню, пришли Петя и Зина забирать сына домой, а он устроил истерику и не захотел уходить с ними.

Так мы вместе с Анатолием и шли по жизни. Он тоже окончил Ярославское военное училище, где учился я, служил в погранвойсках. По переводу был направлен в Службу налоговой полиции Российской Федерации, а затем стал заместителем руководителя аппарата Председателя Счетной палаты РФ – главным бухгалтером.

Второй сын брата, Володя, учился в Киевском высшем училище связи, полковник, службу заканчивал в органах Правительственной связи в Москве, а затем в Счетной Палате. Дочь брата – Лиля – вышла замуж за военного, который тоже стал полковником, в настоящее время проживают в Москве.

Так в семействе Семенцов появилась династия военных. Брат был награжден орденами и медалями. Всю жизнь проработал на Суражской картонажной фабрике экскаваторщиком, его фотография много раз красовалась на Доске почета. В общем, трудился, как подобает фронтовику. В 2009 году его не стало.

В феврале 2014 года по приглашению учеников и директора школы я приехал в Сураж на вечер встречи с выпускниками юбилейных лет. От «пятидесятников», к сожалению, был я один, но было много тех, кто закончил учебу 5, 10 и 15 лет назад. Хорошая, теплая получилась встреча. Да и школа преобразилась. В 2014 году ей исполнилось 78 лет. Сначала она размещалась в разных зданиях города. 1 октября 1936 года было построено одно новое, в котором она и располагается до сих пор.

Приехал я в Сураж на своей машине вместе с Андреем Одинцовым. Мы встретились с руководством района, я дал интервью местным СМИ, которое организовал сотрудник администрации Михаил Иванович Белявцев. Глава района Виктор Петрович Зюзько провел с нами экскурсию по городу Суражу и памятным местам. Приятно удивило, как преобразился центр города: на это из областного бюджета было выделено более 25 млн рублей. Посетили мы аллею Героев Советского Союза и мемориальную арку, посвященную евреям, замученным фашистами в застенках городской тюрьмы в Сураже. Их было более тысячи. На арке размещены все фамилии погибших, включая детей. В лесу под деревней Кисловка Виктор Петрович показал место казни около пятисот подпольщиков и партизан. Там тоже установлен мемориал. Я высказал Виктору Петровичу много слов благодарности за трепетное отношение в районе к фронтовикам, партизанам, подпольщикам и мирным жителям, которые стали жертвами фашизма.

Свозил нас Виктор Петрович еще на два памятных места. Мои земляки в лесу оборудовали святой источник. Прекраснейшая по своему составу вода, лестничные переходы, мостки, купель и часовенки. Несмотря на двадцатиградусный мороз, мы испили водички из источника, сфотографировались. При этом Андрея поразила высоченный, стройный брянский лес. Всю дорогу он им восторгался.

Посетили мы и село Ляличи. Пожалуй, это самое большое село в районе, я и раньше в нем бывал. Когда-то Екатерина Вторая решила проехать в Крым. Путь ее пролегал через это село. Граф Воронцов захотел преподнести царице подарок. Как гласит легенда, он построил огромный дворец на 365 комнат, по числу дней в году. На видном месте заложили и церковь. К строительству этих объек-

тов привлекли тысячи крестьян с телегами со всей округи. В больших ямах из извести и яиц делали раствор для кладки кирпича. При сдаче церкви выяснилось, что она на целый этаж выше самых высоких храмов Петербурга, что не допускалось синодом. Пришлось на телегах завозить землю и приводить в соответствие высоту церкви.

После революции и в годы войны уникальные строения были разрушены, я наблюдал это собственными глазами. Надежды на возрождение былой красоты не оставалось. Но в этот приезд Виктор Петрович показал мне почти заново отстроенный храм! Активное участие в восстановлении принял губернатор области.

В тот же день я посетил родную школу. Для меня она осталась прежней, но в обновленном виде. Модернизация общего образования в полной мере отразилась на состоянии учебно-материальной базы школы. Отремонтированные классы, наличие компьютерной техники и электрооборудование свидетельствуют об этом. Особенно хорошо оснащены начальные классы. Неизменными в школе остались лишь полы. Изготовлены они были из досок «семидесяток», и за пятьдесят лет на них появились лишь потертости, напоминающие рябь на воде.

Свое хозяйство с большой гордостью показывал директор Олег Георгиевич Морозов. В 2015 году исполнилось 30 лет, как Олег Георгиевич руководит школой. Думаю, это рекорд во всей Брянской области. С ним мы провели встречу с выпускниками 2015 года, которая была очень интересной и для учеников и для меня.

Вечером по случаю моего приезда я пригласил на ужин в кафе Виктора Петровича, Олега Георгиевича, своего одноклассника Андрея Стефановича Пикина, двоюродного брата Гришу, его супругу Тамару и двух их сыновей – Ан-

дрея и Алексея. Вечер прошел в воспоминаниях, все были в приподнятом настроении, засиделись допоздна.

На следующее утро в церкви крестили племянника Андрея. Он в сорок лет решился на этот шаг, а мне была уготована роль крестного отца. Потом побывали на кладбище, на могилах родных и близких.

Вечером проходила встреча выпускников юбилейных лет. Организовали и провели ее ученики 11-х классов. Встреча нам с Андреем понравилась. Выступил и я, рассказал о себе, вспомнил одноклассников и учителей, отметил заслуги школы в нашей жизни и, конечно, выразил наилучшие пожелания. Не обошлось без подарков. Школе я подарил цифровой фотоаппарат с запасом бумаги для распечатывания. Директору школы достался телефон/факс, которого у него не было.

Завершили мы вечер за праздничным столом – с сегодняшним коллективом и учителями-ветеранами. Но нам с Андреем засиживаться не пришлось, в три часа ночи мы выехали в Саратов, где нас ждали неотложные дела.

Учеба в средней школе города Суража

После окончания семилетки в 1960 году я задумался: что дальше? Из нашего класса только пять учеников решили продолжить учебу в школе, в их числе и я. Очень скоро знания, полученные в сельской школе, дали о себе знать. Да и не по всем предметам хватало учебников. Мне, помню, не достался учебник по химии. Но школу я не бросил, втянулся. Самые добрые воспоминания сохранил о своих учителях. Это были педагоги с большой буквы.

Во время летних каникул я устраивался на сезонные работы. Брат Иван работал на лесоучастке райпотребсоюза. Пристроил и меня – заготавливали лес, привозили его из районов области, потом на пилораме распускали на брусья и доски. Трудился я и на стройке. В общем, ничего не чурался, а заработанные деньги были серьезной поддержкой: было во что одеться и обуться. Дома тоже не забывал о работе.

Вечерами с друзьями садились на велосипеды и кружили по окрестным селам или организовывали танцы у себя в поселке. Веселились до поздней ночи. Контроля со стороны родителей не было, так как я на сеновале обустроил себе угол, где и жил все лето. Утром, с трудом просыпаясь, спешили на работу, но никогда не опаздывали.

В школе я подружился с Аркашей Литвиновым. Его семья переехала в Сураж из села, где его отец, Михаил Захарович, работал директором школы, а мать – учительницей. Литвинов-старший сначала возглавил Краснослободскую семилетнюю школу (где я раньше учился), через два года – вторую среднюю школу г. Суража, а затем стал начальником отдела образования всего района. Михаил Захарович был уникальный, мудрый человек. Его любили ученики, уважали учителя. Офицер-капи-

тан, он прошел всю войну, потерял там руку, был удостоен высоких наград, орденов и медалей. В его обществе нам всегда было приятно находиться.

Позднее к нашей компании примкнул Петр Недозор. Был он родом из дальнего села Беяны, что на границе с Белоруссией, поэтому для учебы в городе ему снимали квартиру, а в последние годы нашей учебы он проживал в нашей семье. Нас часто видели вместе, как правило, в доме у Аркаши.

Школа была переполнена: одних восьмых классов — четыре. Правда, к финишу количество их сократилось. С восьмого по одиннадцатый класс мы обучались во вторую смену. Было очень неудобно, так как домой я возвращался только поздно вечером. На моем пути, вдоль железной дороги, размещались кладбище, посадки ельника, где иногда пошаливали «нехорошие люди». Случалось, и волки пробегали. Признаюсь, не раз страшновато было, но обошлось.

Наряду с остальными предметами мы проходили производственное обучение. Практику отработывали на картонажной фабрике «Пролетарий». Это предприятие можно назвать градообразующим — настолько оно было велико по территории и по численности работников. Фабрика имела свой клуб, куда мы ходили на танцы, и не только. Мальчишки нашего класса обучались в электро-слесарном цехе. Позже нам выдали соответствующие удостоверения. Нас тянуло на фабрику, мы с удовольствием постигали рабочую науку.

Класс у нас был очень сплоченный. Я дружил ещё с Андреем Пикиным. После окончания школы мы с Андреем год трудились вместе в районном узле связи. Потом Андрей стал там начальником, проработал вплоть до выхода на пенсию. Он так и остался патриотом своего

района, как и другой наш одноклассник – Мулушкин Валерий. В нашем классе учились и два хороших друга – Владимир Воронин и Сергей Воробьев, с которыми я также подружился.

Часто вспоминаю Эдика Плетнева, Леню Литвякова и многих других, а также своих замечательных одноклассниц – Раю Белоусову, Эмилию Куновскую, Свету Прохоренко, Тамару Жерноклеву, Зину Костюченко, Людусик, Асю Полоновскую.

В памяти – выпускной вечер. Готовились к нему тщательно, расписали обязанности и роли, сбросились деньгами на проведение вечера. Сергей и Владимир накануне раздобыли где-то ведро тюльпанов и привезли ко мне домой. После торжественных мероприятий собрались своим классом, выпивали, пели, веселились. Ближе к утру решили рассвет встретить прогулкой по городу и в саду села Красная Слобода. Разошлись кто с кем. Аркаша, понятно, с Эмилией Куновской – у них была любовь. Да и другие парни разобрали девчат для встречи рассвета. Я тоже уединился с Асей Полоновской. Было интересно, весело. Пришли к ее дому около шести утра. Но это было наше первое и последнее свидание. Так случилось, что мы с ней больше не встретились. Ася уехала учиться в другой город, и этот город покорила ее.

Мы договорились с одноклассниками встретиться ровно через год. Правда, не все приехали – едва ли половина, но встреча все же состоялась. Собрались во дворе дома у Эмилиии Куновской. Приехал и Петя Недозор. К этому времени он устроился на работу милиционером под Брянском, хотел учиться дальше по профилю. Надо сказать, что мечту свою он в дальнейшем осуществил. Но мы с Аркашей поняли: наше «мушкетерство» треснуло. Дело в том,

что на выпускном вечере мы втроем поклялись быть вместе и скрепили наше обещание кровью. Не получилось.

Еще во время учебы в одиннадцатом классе через военкомат я подал рапорт на поступление в военное училище. Аркаша, к сожалению, не прошел медицинскую комиссию. Вместе с Анатолием Мартыновым, учеником из параллельного класса, мы отправились в Энгельс постигать военные науки. Так я впервые попал в Саратов. Из Москвы до Саратова мы ехали в общем вагоне с сиденьями. Непросто было просидеть почти сутки, особенно ночью. Саратов встретил нас грохотом трамваев. С вокзала добрались на пристань Волги, где речной трамвайчик доставил нас в Энгельс.

На месте нас ожидало некоторое разочарование. То ли я в то время был не очень сообразительным, то ли мне невнятно пояснили в военкомате, но ехал поступать в летное училище, а на деле оказалось – зенитно-ракетное. Разочарование начало усиливаться, когда нас расселили в большом спортзале прямо на полу, на матах. Да и питание в столовой оставляло желать лучшего. Окончательное мнение сформировалось после встречи с курсантами-земляками. Перспективы службы они нарисовали не очень радужные. Тогда мы с Толей написали рапорт об отказе поступать. Меры принуждения не оказали на нас воздействия, мы стояли на своем. Знать бы тогда, чем это упрямство обернется для меня в дальнейшем! В конце концов сели в поезд и отправились обратно в Сураж.

Дома у нас гостили родственники, в том числе брат Петя с женой Зиной. Отмечали какой-то праздник. По лицам матери и отца понял, что меня не ждали. Они всем уже рассказали, что их младший скоро станет офицером, а чести выше в поселке ничего не было. Из односельчан только один Филипп Пастухов (родственник Зины) был

офицером. В глазах родителей читался укор: «Как ты, сынок, подвел нас!».

На второй день пошел искать работу. На районном радиоузле работал мой двоюродный брат Михаил Семенов (сын того самого Миры), который замолвил за меня слово перед начальством. При беседе я честно сказал, что собираюсь работать год, затем хочу поступать в военное училище (про армию я не подумал). После испытательных экзаменов меня оформили электромонтером третьего разряда. Через некоторое время на работу поступил и мой одноклассник Андрей Пикин.

Работа очень нравилась. В это время по району активно проводилась телефонизация, радиофикация. Бригадами мы ездили по селам, устанавливали линии передач, меняли старые опоры на новые, нередко останавливались в дальних селах на постой, а это – танцы по вечерам, встречи с девушками. Но в таком режиме работать пришлось недолго. Нас с Андреем стали готовить к дежурствам на радиоузле. Включался радиоузел ровно в шесть утра, до этого за полчаса необходимо было прогреть аппаратуру, настроить ее. Трансляция радио продолжалась до четырнадцати часов дня, возобновлялась с семнадцати и не прекращалась до полуночи. Иногда мы сами передавали объявления. Приятно было осознавать, что твой голос слышит весь район, а в первую очередь – твои знакомые.

Андрея перспектива дежурств не увлекла. Однажды проспав и опоздав на работу, он больше на радиоузле не появлялся. Позже проявил себя на другом поприще, на этом же предприятии.

Был и у меня случай, который едва не поставил крест на работе. Встречали новый 1965 год. Праздничные дни мигом пролетели. Проснувшись второго января, с ужасом вспомнил, что сегодня – мое дежурство. Посмотрел на

часы: стрелки показывали половину шестого. Не помню, как ботинки и кое-что из одежды оказались на мне, но летел я по зимним железнодорожным путям со скоростью курьерского поезда. С тех пор у меня с бегом все в порядке, проверено на многих соревнованиях.

Постепенно руководство районного узла стало готовить нас с Андреем для поступления в институт связи. Но я понимал, что это не мой путь. С Аркадием мы возобновили попытки поступления в военное училище. В военкомате нам сказали, что есть квоты на направление только в четыре тыловых училища: ГСМ, финансовое, пожарное и транспорта. Меня, конечно, это не устраивало. Поделились услышанным с отцом Аркадия – Михаилом Захаровичем. Фронтовик нам уверенно рекомендовал финансовое. На том и сошлись. На сей раз у Аркаши неприятностей не было, медкомиссию он прошел. Дело приняло неприятный оборот для меня. Из-за того, что в прошлый раз отказался поступать в Энгельсское ЗРКУ, военком категорически возражал против моего направления в Ярославское военное училище. Он говорил, что у меня один путь – служба в армии, а именно – в морфлоте, а это четыре года! Такая перспектива, конечно, не радовала. Пришлось дать все обещания и заверения, какие только можно. Сказал: «А если не поступлю – тогда посылайте хоть к чертям на высылки!». Слово за меня замолвил и Михаил Захарович.

И вот едем в Ярославль. Со всей Брянской области нас набралось 16 кандидатов, но доучились до конца только пять. По дороге снова охватили сомнения. Училище интендантское, счетоводы, бухгалтеры... «Естественно, и уровень учебного заведения такой же», – думал я. Но дело сделано, выхода нет.

Годы курсантские

Вот и Ярославль – древний, мудрый, ухоженный. Он сразу мне приглянулся. Военное училище находилось рядом с железнодорожным вокзалом, несколько остановок трамваем. Первое неизгладимое впечатление от знакомства с училищем. Уже в то время оно считалось одним из лучших. Великолепная материальная база, свой учебный центр в Костромской области на речке Черная, прекрасные столовая и спортивный зал. С первых дней нам предложили записаться в хор, что мы и сделали с Аркадием. Я записался также в секцию борьбы. В общем, я был в восторге. Дело оставалось за главным – поступить. Начались подготовительные занятия. Сдали экзамены, физподготовку, вот и мандатная комиссия. Ура, зачислены!

Начался курс молодого бойца, нас готовили к принятию военной присяги. Первое серьезное испытание. Командовал нами капитан Водопьянов. О его суровости и строгости в училище слагались легенды. С утра до вечера гонял нас на плацу, держал до изнеможения по команде «смирно!» При этом, по его словам, «ни одна волосинка» не должна шелохнуться. Если в часы хозработ мы разбирали старую кирпичную казарму, то кирпичи должны были летать, «как пули свистят». В общем, много времени не потребовалось, чтобы понять всю прелесть армейской жизни.

Поэтому, когда начали формировать команду для заготовки сена для подсобного хозяйства (а набирали тех, кто умеет косить), я, не раздумывая, сделал шаг вперед. На первое время требовался повар, выбор пал на меня. Пришлось постигать прелести кулинарного мастерства. Отряд был небольшой – 12 человек, но надо было накормить всех, и накормить вкусно. Думаю, на тройку справился. По крайней мере, никто не жаловался. Приехал штатный

повар, а я перешел в разряд заготовщиков сена. Работа была привычной, не то что часами находиться на плацу. «Повезло», – думал я.

Заготовки были закончены, нас вернули в училище. Там мы получили курсантскую форму, стали ее подгонять, учиться гладить, подшивать подворотнички. Одновременно шло формирование рот, их на курсе было три. Всего на первый курс зачислили порядка 400 курсантов – настолько велик был прием. Нашей седьмой ротой командовал замечательный офицер – капитан Котов. Через некоторое время он получил звание майора.

Секретарь приемной комиссии капитан Ильченко стал командиром нашего третьего взвода. Думаю, взвод он формировал под себя, так что и я там оказался не случайно. Его заместителем назначили Виктора Бондаренко. Он успел послужить в армии, был небольшого росточка, украинец, по характеру – чистый командир. Выбор Ильченко был верен: ни в чем и никогда его Бондаренко не подвел. Впоследствии мы с ним стали друзьями, я многому учился у него. Виктор прошел хороший служебный путь, да по-другому и быть не могло.

Командиром третьего отделения был сверхсрочник младший сержант Караваев. Но через полгода он перешел на ускоренные курсы обучения младших офицеров, а на его место назначили меня. В нашем отделении учился Коля Хихол, мой земляк из Почепского района, мы с ним стали большими друзьями.

Пройдя десятки строевых смотров, подготовились к началу учебного года. 1 сентября на плацу выстроились три батальона, курсы усовершенствования, подразделения обеспечения учебного процесса. Приехало начальство из Москвы, руководство области и города.

Так началась наша новая жизнь. Распорядок дня был обычным, армейским. Подъем в шесть утра, десять минут на туалет, полчаса – физзарядка, затем умывание и заправка постели, построение на утренний осмотр, устранение замечаний, завтрак, потом общий развод на занятия, которые продолжались до четырнадцати часов, то есть до обеда. После обеда – тридцать минут свободного времени, затем общее построение и самоподготовка. Редко кто валял дурака: учебе приходилось отдаваться по полной, особенно в первые годы. Часто занимались в ленинской комнате уже после отбоя. После самоподготовки – ужин и личное время. Его я обычно проводил в спортзале или дополнительно готовился к занятиям.

Такая строгая дисциплина поначалу пришлась мне не по душе. Последовали один за другим наряды вне очереди за мои проступки. Особенно строго наказывал Бондаренко, за что я его невзлюбил, но вовремя спохватился: надо служить. Стал усердно и добросовестно исполнять свои обязанности. Учеба начала даваться легко, в строевых и физических дисциплинах я был подготовлен отлично. Скоро меня уже ставили в пример другим. Жизнь, как говорится, налаживалась. С Аркашей мы учились в одной роте, но в разных взводах. Первый взвод состоял из рослых ребят, куда попал и он, но это не мешало нам встречаться в свободное время.

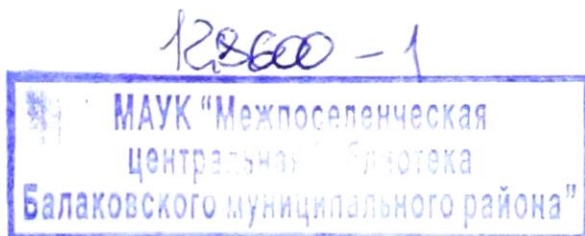
На ноябрьские праздники мы, первокурсники, приняли военную присягу. Лучшие курсанты, в том числе и я, удостоились первого увольнения в город. Началось знакомство с Ярославлем. Первое, что сделали мы с Аркашей, – сходили в кино, а вечером – в клуб железнодорожников на танцы. В последующие увольнения география знакомства с городом значительно расширилась. После мы обменивались информацией с сослуживцами: кто где был и что понравилось.

Вскоре у нас с Аркадием появился свой «путеводитель» на время увольнительных.

Приближался новый 1966 год. Меня назначали караульным. Ставить лучших для несения внутренней службы в праздники – незыблемое правило в Вооруженных Силах. Накануне отправил новогоднее поздравление родственникам и друзьям, где намекнул на возможную скорую встречу. Дело в том, что у курсантов военных училищ были зимние (короткие) каникулы и летние. Зимой отпуска с выездом на родину предоставлялись только тем, кто успешно учился и не имел дисциплинарных взысканий. Летом в отпуск не отпускали тех, кто имел «хвосты», – до их ликвидации.

И вот подошли первые зимние каникулы. Перед 23 февраля мы с Аркашей попали в список счастливицков. В Москве купили билеты на поезд Москва – Гомель, который уходил вечером. Рано утром сошли на узловой станции Унеча (в годы Гражданской войны здесь формировал свой полк легендарный Николай Щорс). Отсюда до Суража – рукой подать, 25 км. Но в то время между Унечей и Суражом асфальтированной трассы не было, ее заменяла раскатанная песчаная дорога. Насилу дождались утреннего автобуса, так как душой и сердцем уже были дома.

Прежде всего зашел к брату, для его семьи это была большая неожиданность. Быстро собрали стол, выпили за встречу, за праздник. Вместе собрались и пошли к родителям. Для них мой приезд также оказался сюрпризом. Дом начал наполняться родственниками, друзьями, соседями. Всем хотелось посмотреть и пообщаться с новоиспеченным курсантом. А сколько мне радости доставило это общение с родными людьми! К вечеру немножко уставший, но веселый, отправился в районный дом культуры вместе с Аркадием на танцы.

Дни пролетали, встречи чередовались с развлечениями – настоящий подарок после полугода суровой курсантской службы. Как-то мать и отец робко намекнули, что отпуск мой заканчивается, а они меня толком и не видели. Я отчетливо осознал, что в своей праздности допустил изрядный перебор, проявил невнимательность к родителям. Оставшиеся дни из дома почти не выходил, переделал много разных дел, наколот дрова про запас. Как мог постарался загладить вину. В Ярославль возвращался загруженный домашней снедью и гостинцами.

Рассказы о полюбившемся училище принесли свои плоды. В том же году туда поступил мой племянник Толя Семенец. О своем выборе он никогда не пожалел. Службу закончил в звании полковника в Москве. Его примеру последовал двоюродный брат Володя Шамето, который также дослужил до звания полковника. Сегодня работает в аппарате Счетной палаты РФ. Двое братьев – Валера и Миша Литвиновы – также закончили наше училище, дослужили до высоких постов, полковники, живут в Москве. Десятки суражских ребят пошли по нашим стопам, со многими в жизни мы пересекались.

После зимних каникул я активно включился в процесс учебы. У меня словно открылось второе дыхание, я уже не признавал других оценок, кроме «отлично», и очень переживал, если балл был ниже. Когда уезжал на летние каникулы, моя фотография красовалась на стенде отличников учебы. Это был незабываемый долгий отпуск – целых 24 дня. Все успел сделать: и потрудиться, и повеселиться, и порыбачить, и с друзьями и девушками время провести.

Отдохнувший, загоревший вернулся в училище. В один из дней меня вызвал командир роты майор Николай Филиппович Котов. Он сказал, что командование училища

приняло решение провести реорганизацию в нашем курсантском батальоне: из состава восьмой роты вывести четвертый учебный взвод и ввести его в состав седьмой роты, а четвертый взвод вести в восьмую роту. Причина – низкое состояние воинской дисциплины в роте и во взводе. Меня назначают заместителем командира этого взвода. А командиром был недавний выпускник нашего училища, мастер спорта по стрельбе, лейтенант Галимбеков. Все время он проводил на тренировочных сборах. По сути дела, взвод был без командования. Взвесив ситуацию, я сам себе не позавидовал. Одно дело, я – командир отделения в своем взводе, где меня признают за лидера, безоговорочно слушают, я помогаю некоторым сослуживцам в учебе. Да, по службе они подчиненные, но во внеслужебное время – мои друзья. Мне до сих пор дороги их имена: Коля Хихол, Петр Омельченко, Витя Денисов, Валера Щерба, Толя Кузьмин, Иван Зелепукин, Станислав Митрошин.

Первое знакомство с личным составом ничего хорошего не предвещало. Если у нас капитан Ильченко был бог и царь, а после него Витя Бондаренко – непререкаемый авторитет, то в этом взводе приоритеты были другие. Лейтенант Галимбеков ввиду молодости, неопытности и из-за своего постоянного отсутствия авторитетом у подчиненных не пользовался. Заместитель командира сержант Трегубов больше занимался собой: спортсмен и борец – «мухач», он много учился, был замкнут. Его оставили командиром первого отделения. Настоящими лидерами и возбудителями спокойствия были курсанты Буланов, Белецкий, Савушкин.

Взвод меня принял настороженно, ершисто огрызаясь на мои усилия навести порядок и дисциплину, иногда даже саботируя мои требования. Сколько мне тогда доста-

лось – один бог знает! Верхушка взвода, поняв, что меня не сломить, начала обхаживать меня, пытаюсь склонить на свою сторону. Не буду утверждать, что я чего-то добился, но, во всяком случае, положение дел во взводе хуже не стало. Вскоре появился реальный выход из создавшегося положения.

В Министерстве обороны приняли решение сократить сроки обучения в ряде военных училищ и произвести ускоренные выпуски офицеров. В нашем училище это новшество осуществлялось следующим образом. Из числа отличников второго курса были отобраны курсанты трех взводов для прохождения ускоренных курсов. Я вновь был переведен в третий взвод на должность командира отделения. Прощай, взбалмошный четвертый взвод, да здравствует родной третий!

Началась ускоренная учеба, но ее быстро остановили. Сменилось руководство Министерства обороны, поменялись взгляды на обеспечение обороноспособности страны. Четко было заявлено, что нет необходимости в досрочном выпуске скороспелых офицеров. Все возвратилось на круги своя. Мы вернулись к повторению пройденного материала и начали готовиться к завершению учебы.

Но этому предшествовало много событий, в том числе печальных. Осенью 1966 года в училище проходили соревнования по классической борьбе, участие в которых принимал и я. Вечером готовился ко второй схватке, но пришел командир второго взвода, велел срочно собраться, отвез меня на вокзал и отправил домой.

Скончалась мама. Казалось, мир перевернулся. Этого я представить не мог, не мог думать, что матери больше не будет рядом. Да, она серьезно болела, я видел это, когда приезжал на летние каникулы. Не смогла она пережить

смерть любимого сына Ивана, тоска привела ее к печальному исходу.

Хоронили ее всем поселком. Мама была удивительной женщиной. За всю жизнь она ни с кем не поругалась, никому не пожелала зла, делилась последним. В работе себя не щадила, умела сноровисто управляться со всеми делами, с ней все охотно работали. Привлекали ее недеревенская красота, открытость и участие в судьбе каждого. Моему отцу все завидовали, откровенно говорили, как ему повезло с женой, учитывая его вспыльчивый характер и неуравновешенность.

...К третьему курсу во взводе сменился командир взвода. Опытный капитан Ильченко заслуженно был назначен преподавателем тактики. Вместо него пришел старший лейтенант Либерман, недавний выпускник нашего училища, успевший послужить в Средней Азии. Конечно, ему и нам повезло. Лучший взвод в училище, опытный Бондаренко, толковые командиры отделений – это был, по сути, единый механизм. Поэтому Либерману выкладываться не пришлось. Да он и сам благоразумно рассудил, что всякое вмешательство может только испортить дело. Значительно позже, будучи начальником политотдела спецчастей Саратовского гарнизона, я встретился с Либерманом: он возглавлял финансовую службу военно-медицинского факультета, который находился в моем подчинении.

Весной 1967 года в одном из увольнений я встретил Людмилу. И прежде знакомился с девушками, но в этот раз увлекся серьезно. Хотя я всех предупредил: пока не закончу училище – не женюсь. А потом и Аркаша нашел свою Нину.

Вскоре познакомился с родственниками невесты. Жили они в барачном домике возле Московского вокза-

ла. Особое впечатление оставила мать – тихая, скромная и неприхотливая женщина. Работала она курьером в управлении железной дороги, а Людмила профессию ткачихи сменила на должность диспетчера пожарной охраны, благо пожарная часть была в ста метрах от дома. Да и смена места работы была объяснимой. Через некоторое время познакомился с сестрой Люды Еленой и ее мужем Виктором Лукиным. Все они – из одной деревни. После окончания Ленинградского пожарного училища Виктор получил распределение в Ярославль, увез с собой беременную жену. Как только получил тот самый барачный домик – перевез тещу и Людмилу. В тесноте, да не в обиде, начали жить все вместе.

Людмила поступила ученицей на Перекопскую ткацкую фабрику, где уже работала ставшая впоследствии знаменитой на весь мир первая женщина-космонавт Валентина Терешкова. Параллельно Люда училась в вечерней школе. К моменту нашего знакомства семья Лукиных получила небольшую квартиру при военизированной пожарной части возле моторного завода, где служил Виктор. Елена работала продавцом в магазине у Московского вокзала. Их малой сынишка Леша большую часть времени находился на попечении бабушки и тети.

С Людой я познакомился вполне традиционно для Ярославля – на набережной. Она же и стала первой площадкой для встреч и свиданий. Потрясающий вид на Волгу, причалы, пристани – тогда еще много пароходов бороздило ее необъятные просторы. Место было очень удобное: центр города, весь общественный транспорт под рукой. Рядом – городские парки с летними и зимними танцплощадками. В народе их называли «Парк последних надежд», «Не все еще потеряно», «Более молодежный». Пользовались у нас популярностью, особенно зимой, отраслевые дома куль-

туры: клуб железнодорожников, моторостроителей, клуб ткацкой фабрики, шинный и т.д. Накануне мы с друзьями тщательно обговаривали, где будем проводить очередное увольнение.

Девчонки сбивались в стайки и тоже определяли маршруты для своих развлечений. И вот однажды наши пути пересеклись. У Людмилы и до меня были ухажеры. Некоторых она даже показывала матери. Но та, как правило, всех отвергала. По-моему, и в тот вечер у Людмилы намечалось свидание. Но по моей вине оно не состоялось.

Наши встречи стали регулярными, но не частыми. В конце мая всех курсантов направили в летний учебный центр «Песочное», где мы пробыли до середины июля. На мой день рождения Люда приехала меня поздравить. Мы целый день гуляли по лесу, купались в речке, загорали. Праздник есть праздник! Вечером я отправил ее на автобусе домой.

А 19 июля был день рождения у Люды. Подарок долго выбирать не пришлось: не позволял курсантский кошелек. Выбор пал на ландыш, сделанный из фарфора, в маленьком кувшинчике. И вот я с этим подарком перешагиваю порог их жилья и робко вручаю свой сувенир. Не знаю, что больше покорило мою будущую тещу: то ли незамысловатый подарок, то ли мое простоватое лицо и застенчивое поведение. Но выбор был одобрен.

На день рождения подъехали Лукины, подруги Галя Заломаева и Люба Вавилова (племянница Виктора). Первая встреча с Виктором Лукиным стала началом нашей большой дружбы. Несмотря на свое капитанское звание, общался он со мной как с равным, не подчеркивая свое старшинство. Его внешнее сходство с моим братом Иваном еще больше сблизило нас.

Закончился второй год моей учебы в училище. Долгожданный отпуск на родной Брянщине стремительно завершился, и снова мы в училище. Подошел последний год учебы. Я был круглым отличником по всем предметам. Получив «добро» от майора Котова, я со своей невестой и Аркаша со своей подали заявления на регистрацию брака в один день.

Регистрацию назначили на 27 октября 1967 года. Свидетелем с моей стороны был Виктор Бондаренко, со стороны невесты – Люба Вавилова. На свадьбу (если можно ее так назвать – было просто небольшое застолье) приехали мои друзья: Коля Хихол, Валера Щерба, Петр Омельченко. Отец прислал посылку с домашними яблоками и салом. В тот день я приобрел статус мужа. И в этом статусе я пребываю скоро уже полвека.

Теперь я в увольнение с субботы на воскресенье ходил с ночевкой. Да и во время спортивных тренировок находил время забежать к жене.

Началась подготовка к экзаменам. Мы брали учебники и уходили на реку Котросль, которая протекала неподалеку. Там мы больше загорали, нежели грызли гранит науки. Но сдача одного экзамена запомнилась мне на всю жизнь.

Все курсанты нашего взвода изучали немецкий язык, мы были поделены на две группы. Первую группу обучал заведующий циклом иностранного языка. В свое время он работал в посольстве в Германии, затем по состоянию здоровья перевелся к нам в училище. Это был полный, добродушный человек. Обычно он размещал группу в кабинете немецкого языка, курсанты надевали наушники, дальше преподаватель поручал Виктору Бондаренко проводить занятия и выставлять оценки. Вторую группу, куда входил я, обучала Зинаида Воронова. Строгая и требовательная, она не допус-

кала никаких послаблений в учебе. Став заместителем командира четвертого взвода, пользуясь властью, я перебежал в первую группу, чтобы не утруждать себя изучением языка. Если бы я знал, чем это закончится! А случилось то, чего и следовало ожидать.

Заведующий циклом заболел, экзамены принимала Воронова. Полушутя-полусерьезно она мне сказала: «Ну, Семенец, теперь держись!» Мне стало не по себе: одна оценка по немецкому языку могла повлиять на получение «красного» диплома. Я засел заучивать все тридцать два билета по немецкому языку. День и ночь, даже в увольнении, когда приходил к Людмиле, не расставался с учебником немецкого языка. Я стал предметом насмешек моих друзей, слух дошел и до Вороновой. Вот и экзамен, я вытащил билет, на немецком языке подтвердил, что готов к ответу. Воронова рассмеялась, сказала, что в курсе моей зубрежки, поставила «отлично» и пожелала успехов. Умная была женщина!

Остальные экзамены, включая государственные, я сдал легко и уверенно. Стали ожидать приказа министра обороны СССР о присвоении первого офицерского звания – лейтенант. Нам выдали новенькую офицерскую форму. На вручении дипломов присутствовали Люда, Лукины и Надежда Рачкова (сестра Люды). Вечером был офицерский бал, организованный для нас, выпускников. Впереди – целый месяц отпуска и отбытие к первому месту моей службы в рядах Советской Армии.

Годы службы в группе советских войск в Германии

Закончилась прекрасная курсантская пора. Получив документы об окончании училища, направление для прохождения дальнейшей службы, проездные документы и полный денежный расчет, я отправился в отпуск с Людмилой. Провести его решили в двух местах: в Сураже и в Ярославле. Конечно, первое время офицерскую форму почти не снимал – настолько с трепетом относился к ней. В Сураже обошли всех моих родственников и хороших знакомых. Надо было видеть, как гордился отец, что сын стал офицером. Молва об этом облетела округу, многие приходили к нам, чтобы просто посмотреть, поговорить.

Но отпуск быстро заканчивается. Пришла пора отправляться к месту службы в Германии. Для тех, кто служил за границей, был особый порядок вызова семей. Как только прибыл в свою воинскую часть, оформил вызов на жену. Приходилось ждать от двух до трех месяцев, пока проходили проверки по линии компетентных органов, готовились разрешительные документы на проезд, включая заграничные паспорта. Поэтому в путь-дорогу я отправился один. Нас, большую группу молодых финансистов, в один день отправили поездом Москва–Вюнсдорф в распоряжение главнокомандующего группой войск. Это была моя первая поездка за границу. В Бресте нас ждал погранично-таможенный контроль. На два часа нас высадили из вагонов. За это время железнодорожники успевали произвести замену колесных шасси, так как в Европе узкоколейные железнодорожные пути. И вот – «прощай, СССР», мы едем по Польше. Пересекли ее в основном ночью. На одной из остановок мы с товарищем

вышли перекурить, и я посетовал, что так быстро проехали Польшу, даже не заметили, а неподалеку находился железнодорожник-поляк, который злобно прошипел на мою реплику.

Рядом была Германия. Встретила она нас ухоженными полями, пролесками. Из окон вагона мы видели стада коров, пасущихся под присмотром электропастухов (пастбища ограждались проволокой, через которую пропускали слабый ток). В диковинку были мелькавшие в окнах зайцы, косули, лисы и другая живность. Поражала чистота вокруг железнодорожной насыпи, чистые и аккуратные полустанки и станции. Чувствовалось дыхание Европы, удивляли немецкая аккуратность и педантичность.

В Вюнсдорфе (кажется, в переводе «болотная деревня») размещалось командование группой советских войск в Германии, естественно, и финансовое управление группы во главе с генералом-майором Бабьевым. Здесь с нами провели занятия об особенностях финансово-хозяйственной деятельности в группе войск, а затем распределили по воинским частям. Конечно, я не был в восторге от такого распределения, но виноват был сам: не захватил в училище рекомендательное письмо, приготовленное для меня от командования училища.

Попал я служить в отдельный трубопроводный батальон. Эта часть вначале дислоцировалась в Фюрстенвальде, входила в состав трубопроводной бригады, затем из тактических соображений ее перевели под Росслау. В пяти километрах от Росслау в лесу рядом с рекой Эльба располагался склад ГСМ. Перевод сюда трубопроводного батальона был стратегически выверен: рядом находились авиационные части с аэродромами подлета, куда подавалось топливо. Им заправляли истребители, и они уходили на выполнение учебных заданий.

Когда меня доставили в часть, вокруг шла стройка, все жили в полевых условиях. Большая часть семей выехали в Союз, оставшиеся жили с детьми в палатках, как и весь личный состав. Понятно, что не могло быть и речи об учебном процессе, боевой подготовке, нерушимо оставалось проведение политподготовки. Все усилия сосредоточились на строительстве. Строили солдатскую казарму, дома офицерского состава, штаб, столовую, котельную, тыловые склады, дороги, плац. Для этого были привлечены дополнительно специалисты и строительная техника, для перевозок стройматериалов – подразделение автомобильного батальона нашей бригады.

Командовал всем этим хозяйством опытейший командир – тыловик, подполковник А. Волков. Потом он стал заместителем командира бригады по вооружению и технике, получил звание полковника. Это был жесткий взыскательный человек, строго спрашивающий с нерадивых. Пожалуй, его больше боялись, нежели уважали.

Заместителем командира по политической части был майор Чирков, фронтовик. Через год после моего прибытия он уволился в запас, уехал в Минск. Не получив там квартиру, на площади разбил палатку, чтобы привлечь внимание властей. Что с ним стало дальше – не знаю. Запомнился он и другим эпизодом. Однажды на ужин подали несвежую рыбу, которая явно отдавала душком. Пришлось замполиту со вкусом съесть огромную тарелку этой рыбы, уверяя солдат, что очень вкусно. Таким образом майору удалось предотвратить скандал.

Штаб возглавил майор Алексей Демешко, технарь, военный, эрудит. В ходе строительства обнаружился его строительно-инженерный талант. По сути дела, главной скрипкой на стройке был он. Подкупали его уравновешен-

ность, выдержка и такт. К тому же он был прекрасный преферансист, обучил и пристрастил меня к этой игре.

Заместителем командира части по технической части был мой тезка майор Николай Лямин, наш третий партнер по преферансу. Свою должность он занимал по праву, превосходно разбирался в технике и строго спрашивал за ее неграмотное или халатное содержание. Силы в нем было немерено, весил за 120 килограммов. Позже Николай Алексеевич проходил службу под Москвой, в Наро-Фоминске, командовал трубопроводным батальоном. В восьмидесятых годах отличился на тушении пожаров лесов и торфяников в Московской области, за что был удостоен высокой государственной награды. Об этом писала газета «Правда».

Яркой, колоритной фигурой был четвертый заместитель командира части по тылу – майор Черноиванов. Заслуженный фронтовик, солдатом служил в разведке, взял в плен немецкого офицера высокого звания. Будучи родом из Воронежской области, он показывал мне местные газеты с описанием своих подвигов в статье под названием «Воронежский герой». Высокого роста, слегка полноватый, с красноватым носом на лукавом лице. По роду своей деятельности Черноиванову приходилось много общаться с немцами, их различными службами. Он организовывал встречи, совместные мероприятия с немецкими властями по разным поводам. Вся округа знала Черноиванова, настолько он был популярен у немцев. Звали они его «шварц Иван», что означало «черный Иван». Меня он по-доброму звал сынком, хотя наша служба с ним началась непросто. Проверяя прикухонное хозяйство, я обнаружил неучтенных поросят. Черноиванов ссылался на падеж, воровство, чем якобы и была вызвана «неучтенка». Не помогло, я жестко потребовал навести порядок и строго придержи-

ваться норм ведения воинского хозяйства. Обида Черноиванова вскоре прошла, он сам сказал, что спокойнее себя чувствует, когда с учетом все в порядке. Более того, он научил меня пить пиво с яйцом, не раздавливая желток. Это была фишка! Через два года Черноиванов уволился в запас, а на его место прибыл капитан Валентин Федоренко, с которым мы быстро сдружились. Но о нем я расскажу чуть позже. Он этого заслуживает.

Меня подселили в палатку капитана Юрия Коршунова. Он прибыл чуть раньше меня на должность секретаря партбюро части. Семья его тоже ждала вызова в Союзе, а главное – получение квартиры в строящихся домах. На дворе стоял август, до наступления холодов вполне можно было жить в палатках. В каждую из них был проведен свет, стол, стулья, тумбочка и вешалка – вот и все нехитрое обустройство. Погода нас баловала: было не жарко и не холодно. К осени поставили печки. В основном мы питались в солдатской столовой. Семейные умудрялись готовить пищу в палатке.

Службы батальона размещались в таких же полевых условиях, исключение сделали для делопроизводства штаба и финансовой части. Нас разместили в небольшом помещении, доставшемся нам от склада ГСМ. У меня был старый двухтумбовый крепкий стол, покрытый зеленым сукном, сверху лежало огромное толстое стекло. Сзади стоял большой, со стенками шириной более десяти сантиметров, немецкий сейф, где я хранил деньги для повседневной работы и финансовые документы. Второй сейф находился в караульном помещении под охраной. Для получения денег я раз в месяц ездил в Вюнсдорф в полевой банк, более чем за 120 км. Согласно графику каждая часть могла получить деньги только в этот день. Специально для этого выделялся транспорт с охраной. Чаще всего –

командирская машина или ГАЗ-53, но летом ездили и на мотоциклах с коляской.

Этого момента ждали все. Я докладывал командиру о доставке и, несмотря на позднее время, приступал к выплате денежного довольствия. По-другому поступить не мог, так как вызвал бы недовольство своих сослуживцев, жены которых на следующий день планировали поездки за покупками в Росслау и Дессау, для чего им специально выделяли школьный автобус. Кстати, детей возили в школу в Росслау, где дислоцировалась танковая дивизия.

Случалось, офицеры обращались с просьбой дать в долг какую-то сумму. Делать это категорически запрещалось: не дай бог ревизия, неприятностей не оберешься. Но обстоятельства всякие бывают, иногда приходилось идти навстречу, прибегая к различным уловкам. В общем, очень скоро я убедился: прав был Михаил Захарович, когда говорил, что должность начфиндовольствия – одна из самых уважаемых в армии.

В числе первых, с кем я познакомился в части, был лейтенант Николай Коляда – помощник начальника штаба, заводила, балагур, любитель выпить. Позже дошли слухи, что карьера у него не сложилась, его уволили из армии. Лейтенант Саша Прибор – закоренелый холостяк, с ним мы играли в волейбол. В 1968 году специальным постановлением ЦК КПСС в армии ввели институт замполитов рот, и Саша перешел на политическую работу. Лейтенант Костя Кулагин – технарь, спортсмен, мы вместе организовывали многие кружки, проводили соревнования, часто становились соперниками. Служба у него удалась, из прессы я узнал, что он – генерал-майор в Забайкальском военном округе.

Удивительным человеком был наш врач, старший лейтенант Володя Павлюченко. Спокойный и рассудительный во всем, домашний, далекий от армейской жизни. Под стать ему была его супруга Валентина – детский врач, душа-человек. Кстати, Павлюченко был четвертым партнером по преферансу.

Очень хорошее впечатление оставило знакомство с двумя сверхсрочниками Сашей Ганкевичем (начальник секретного делопроизводства) и Виктором Веселовским (секретарь комитета комсомола части). С введением института прапорщиков они первые в части получили эти звания. На фоне других они были очень неплохо подготовлены. Через некоторое время меня назначили руководителем группы политической учебы прапорщиков, и я их привлекал в качестве своих помощников, а в свободное время играли вместе в волейбол или настольный теннис.

В том же 1968-м на должность командира взвода в часть прибыл лейтенант Виктор Подройкин, с которым мы быстро сдружились. После окончания Ульяновского военного училища приехали лейтенанты Егоров, Панченко, Завражнов, Дорожин. А через год – еще четверо выпускников: Кураш, Пахмутов, Иванов, Вильжанов.

Все готовились к большим событиям: со дня на день должны были сдаваться в эксплуатацию два офицерских дома, солдатская казарма и солдатская столовая. Началось распределение квартир для офицеров и сверхсрочников. Квартиры все были двухкомнатные, на всех, естественно, не хватало, строилось еще два дома. Парам, где не было детей или был один ребенок, давали одну квартиру на две семьи. Меня распределили с семьей лейтенанта Юрия Чеканова (супругу звали Флюра). У них вот-вот должен был родиться малыш, поэтому им досталась большая комната, а нам – малая. Кухня тоже была

небольшой, топили брикетами угля, поэтому пришлось учиться растапливать печь, что оказалось делом весьма непростым. Мы с Юрой заранее с улицы набирали уголь с запасом и в постоянном режиме топили печку.

Я с нетерпением ждал приезда жены. Наконец-то мы получили ключи от квартир (хотя назвать их так можно было только условно, так как замки открывались любым загнутым в конце гвоздем). И вот наступил долгожданный день, я выехал встречать Людмилу.

Приехала она с маленьким чемоданчиком, подушкой и, как спустя много лет написала в газете «Юность» старшая дочь Лариса, с клубком ниток и иглой – вот все приданное невесты. С этого началась наша офицерская жизнь. Начали обустраивать квартиру, получили солдатскую кровать, на которой спали почти год. До сих пор удивляюсь, как умещались. На складе КЭЧ выписал солдатские табуретки, тумбочку и столы – вот и все предметы нашего обихода. По нормам довольствия мы получали мясо, крупы, масло, картошку. Зарплата лейтенанта была невелика – 110 рублей. Мы получали около 400 немецких марок, плюс в обмен на российскую валюту можно было получить еще 150 марок на жену, а если были дети – еще 100 марок, но не более 250 марок. Тех, кто служил за границей, называли везунчиками, и это правда. Пять лет службы в Германии помогли нам с Людмилой стать на ноги и опереться, но не более.

Конечно, нашим женам приходилось сложнее. О работе не было и речи. Целыми днями они были одни дома, даже телевизор не посмотришь, редкие поездки с подружками на школьном автобусе в магазины Росслау, а чаще – попутками в окрестные города и поселки. Летом становилось веселее. Ближе к обеду все женское население собиралось на посиделки, возле домов устанавливали столы,

скамейки, играли в лото, настольный теннис, обсуждали местные новости. Здесь же играли дети – детского сада и в помине не было. В воскресенье ходили купаться, загорать на Эльбу, там и обедали, собираясь компаниями. Жили весело, дружно. Вместе отмечали памятные даты, дни рождения, рождения появившихся детей (а рожали много) – так много было молодых семей. Пришла очередь и Людмилы. Но мы не догадывались, что нас подстерегает беда. У нас с ней разные группы крови, но самое главное – разные резус-факторы. Беременность была сложной. Перед самыми родами я находился на сборах финансистов, а Людмила попала в больницу. Из воинской части ее отвезли в военный госпиталь в Дессау, а оттуда решили направить в окружной госпиталь в Бельциг. Выделили санитарную машину, медсестру. Но до места не доехали: в пути машина сломалась, сутки прождали помощи, а когда наконец добрались до госпиталя, то Людмила родила двух мертвых близнецов – они задохнулись по дороге. Мне сообщили о несчастье. Я сразу же выехал в госпиталь, где встретился с главным врачом и с женой. Тяжело было описать наше состояние, но успокаивало одно – Людмила осталась жива. Заведующая родильным отделением оказалась из Ярославля. Она заверила, что рождение следующего ребенка возьмет под личный контроль. И слово свое сдержала, но об этом чуть позже.

На следующий год на должность заместителя командира части по политической части прибыл капитан Иван Васильевич Васильев. Небольшого роста, уже в годах, чистюля, закоренелый холостяк, но накануне отправки в Германию «сломался» – женился. Был очень обходительным и компанейским. Через некоторое время при-

ехала его беременная жена. Вскоре она родила. Радости Ивана Васильевича не было границ.

Васильев вместе с майором Ляминым частенько любили подтрунивать над капитаном Федоренко – заместителем командира части по снабжению. Обычно это было на утреннем разводе батальона, в ожидании прибытия командира. Построение проходило на плацу, выстраивались подразделения, отдельно – офицеры управления батальона, начальник штаба докладывал командиру о построении. Начало всегда было за Ляминым. Обращаясь к Федоренко, он вразумлял того, что надо постоянно следить за сапогами, чистить их до глянца, а не ходить в грязных. На что тот отвечал, что ему не до чистоты, с раннего утра обходил войсковое хозяйство, начиная со свинарника. На что Лямин резонно поучал: «Кстати, о свинарнике. Бери пример, Валентин, с Ивана Васильевича. Он каждый вечер свои сапоги окунает в бочку с рыбьим жиром, а утром легко доводит их до сверкающего блеска. Да ты сам посмотри». На следующее утро мы оказались свидетелями забавного события, смеялись так, что потом еще долго болели животы. На утреннее построение в обязательном порядке надлежало являться в сапогах, а Федоренко, чертыхаясь, пришел в ботинках. Как выяснилось потом, он внял совету Лямина и на ночь погрузил свои сапоги в рыбий жир. Естественно, они скукожились, их не то что на ногу – на руку натянуть было невозможно! Вот чем обернулись его наивность и доверчивость. Вдобавок Федоренко поучил нагоняй от командира.

Через несколько дней я стал свидетелем другой сцены. Лямин подначивал Федоренко, допытывался у него, почему тот пришел в мятой рубашке и засаленном галстуке. На что Федоренко простодушно ответил, что все равно едет к немцам для решения вопросов.

В мае мы готовились совместно с нашими немецкими друзьями отметить День Победы. Договорились, что для шашлыка они выделяют двух баранов. Командир отправил за ними Федоренко. Как же мы изумились, когда в часть заехала машина с животными: они были настолько огромными, что вначале мы подумали о быках. Когда у Федоренко поинтересовались, каков же будет шашлык из этих старых баранов, тот ответил, что его выбор определен количеством мяса.

Когда прежний командир части подполковник Волков ушел на повышение, из Московского военного округа к нам прибыл подполковник Бондарук с супругой Антониной и двумя дочерьми-школьницами. Большой опыт, доскональное знание армейской службы – в части Бондарука уважали все, авторитет его был непререкаем. Добрый и строгий, заботливый и любящий порядок во всем – настоящий командир! Помню, когда Людмила забеременела во второй раз, то много времени провела на сохранении в военном госпитале Бельцига. Там же на лечении находилась и жена подполковника. Он всегда брал меня с собой, когда навещал Антонину. А я, благодаря ему, имел возможность видеть Людмилу. Родилась наша дочь Лариса. В это же время сдали еще два офицерских дома. Бондарук получил трехкомнатную квартиру, а мне предложил занять соседнюю однокомнатную.

Но вернемся к службе. Протекала она неплохо, к весне мы переехали в выстроенный штаб, где финансовая часть заняла отдельный кабинет. С работой я освоился сразу – пригодились познания, приобретенные во время учебы и в ходе практики. Но мне становилось тесновато в рамках финансовой деятельности, тянуло к личному составу, к общим делам, которыми занимался батальон. Начал с организации секции борьбы и проведения

Содержание

Пролог	3
Начало начал	4
Годы военные	17
Учеба в средней школе города Суража	24
Годы курсантские	30
Годы службы в группе советских войск в Германии	42
Служба в Армении	61
Служба в Тбилиси	105
Годы службы в Саратове	116
Создание фонда помощи военнослужащим «Защита» и Российского союза офицеров запаса в Саратовской области	129
Выборы в областную Думу первого созыва	143
Работа в Думе первого созыва	151
Выборы в Государственную Думу второго созыва	159
Участие в выборах в Государственную Думу в качестве кандидата в депутаты	164
Дума второго созыва	168
«Отечество», создание «Единой России»	174
Дума третьего созыва	190

Выборы в Государственную Думу	203
Работа в Отделении Пенсионного фонда РФ по Саратовской области	214
Посещение Саратовской области Президентом Федерального ведомства пенсионного страхования Германии доктором Г. Рише	235
О Саратовском региональном отделении «Союз пенсионеров России»	241
Руководство общественной приемной Председателя партии «Единая Россия» в Саратовской области	248
Дума четвертого созыва	260
Дума пятого созыва	274
Мои литературные пристрастия	296
Мои пристрастия (хобби)	303
Моя семья – моя опора	333
Послесловие	340

Литературно-художественное издание

Семенец Николай Яковлевич

ЖИЗНЕННЫЕ ВЕХИ

Редакторы, корректоры *О.Л. Никитина,*

Н.Н. Трушкина, Е.А. Фешина

Компьютерная верстка, обложка – *М.А. Шутьпин*

Вне плана

Подписано в печать 25.05.2016 г. Формат 60x84¹/₁₆

Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 500 экз. Заказ 219.

Издательство

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Семенец Николай Яковлевич родился 25 июня 1946 года в посёлке Пески Суражского района Брянской области. Трудовую деятельность начал в 1964 году монтером районного узла связи в городе Сураже Брянской области. С 1965 по 1992 год проходил воинскую службу, в 1992 году в звании полковника уволен в запас.

С мая 1994 года Семенец Н.Я. – депутат Саратовской областной Думы всех пяти созывов. С марта 2004 года по апрель 2011 года возглавлял Отделение Пенсионного фонда РФ по Саратовской области. С апреля 2011 является председателем комитета Саратовской областной Думы по бюджету и налогам.

Награжден государственными наградами: орденом Дружбы, орденом Почета, Почетной грамотой Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Почетной грамотой Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Почетным знаком Губернатора Саратовской области (дважды), одиннадцатью медалями, в том числе «За трудовую доблесть», «Совет Федерации. XX лет.» и нагрудным знаком «Почетный работник Пенсионного фонда Российской Федерации».

ISBN 5-7924-1212-X

9 785792 412125

**Издательство ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»**

